

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ОТВЕТ МОСКВЫ

СИЛА И ЭКОНОМИКА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

АЛЕКСЕЙ БОГАТУРОВ

Научно-образовательный форум по международным отношениям, Москва, Россия

Резюме

Украинский кризис выявил разногласия в группе ведущих держав, которые в действительности стали вызревать задолго до него — на фоне повышения меры их самостоятельности в мировых делах в 1990-х и 2000-х. Результатом стали углубление противоречий между Россией и коллективным Западом, прежде всего США, и необходимость для Москвы искать новые партнерства вне Запада для укрепления своей мощи. Задача статьи состоит в том, чтобы прописать новые аспекты, которыми предстоит руководствоваться России, оказавшейся в сложном положении с точки зрения защиты собственных интересов и пытающейся противостоять более массированным ударам мягкими угрозами и осмотровыми действиями дипломатического характера. В центре внимания автора — анализ вызовов средней интенсивности, а не разбор сценариев, подразумевающих применение военной силы. В украинском кризисе благодаря посредничеству франко-германского тандема наметились позитивные сдвиги, но это не означает возвращения к *status quo ante*. В ходе политических маневров последних лет были затронуты статусные интересы. В результате сегодня в ход идет все: влияние, военная мощь, престиж в глазах «большой пятерки» и других стран. Отношения приобретают очертания игры, которая может обернуться блефом, но может и привести к реальным действиям и последствиям. В сложившихся условиях США стали уделять больше внимание балансу сил — категории, про которую они, казалось, забыли два с половиной десятилетия назад. Между тем Россия занимается поиском новых партнеров как в плане институциональных связей (показательным примером стало расширение ШОС), так и в экономических вопросах и в социально-гуманитарной сфере. Западные рынки не закрылись полностью для российского бизнеса, но извлекать выгоду на них стало сложнее. Как следствие, на место ведущего экономического партнера России неспешно, но уверенно выдвигается Китай, отодвинув государства-членов ЕС. Растет заинтересованность в контактах и с другими державами БРИКС. Кроме того, большой неиспользованный потенциал предлагает Латинская Америка. В статье рассмотрена логика как экономического взаимодействия, так и научно-образовательного сотрудничества России с перечисленными партнерами.

Ключевые слова:

Россия; США; Китай; БРИКС; ШОС; великие державы; международный баланс; стратегический баланс; экономическое сотрудничество; Латинская Америка.

Появление новых аспектов обеспечения международной безопасности на исходе второго десятилетия XXI века заставляет переосмысливать ее традиционные составляющие. 25 лет назад распался двухполюсный мир, «остаточным» лидером которого оказались Соединенные Штаты. В обнов-

ленной глобальной политике пять великих держав стали чувствовать свою силу уверенней и свободней, чем ранее. Выросла роль ООН в условиях общего компромисса.

Между тем украинский кризис 2014 года, связанный с попыткой пришедших к власти сил в Киеве при поддержке аме-

риканской администрации реализовать собственную стратегическую программу, спровоцировал обширный конфликт. Пять великих держав, каждая преследуя свою цель, попытались отреагировать на проблему в духе собственного понимания задач своей, региональной и глобальной безопасности. В центре мировой политике вновь оказался конфликт интересов ведущих государств.

За три года до обострения в «пятиугольнике» ядерных держав предельно натянулись струны. С одной стороны, США и Великобритания поджимали к себе Францию; с другой — более самостоятельно стала действовать Россия; с третьей — самодостаточный Китай занял позицию равноудаленности, но продемонстрировал в случае необходимости готовность выступить на стороне Москвы. Реконфигурация нашла отражение во вновь «великодержавном» стиле Москвы — терпеливом отношении ее лидеров к происходящим событиям и критическом к себе, в выдвижении альтернативных подходов к разрешению мировых политических проблем, неуклонном — несмотря на полемику и взаимные упреки в отношениях с Западом — движении к компромиссу. Заметно изменилась манера поведения внешнеполитической элиты страны (президента В.Путина, министра иностранных дел С.Лаврова, постоянного представителя при ООН В.Чуркина): они стали говорить открыто, не избегая трудных, но необходимых решений принимать на себе ответственность.

За новым конфликтом в центре Европы из непосредственной близости наблюдали Германия и Италия: они не входят в круг великих, но выступают все более влиятельными международными силами. Чуть поодаль с действий всех семерых не сводили глаз Индия и Бразилия, а за ними — дипломаты из Южно-Африканской Республики. То ли отдалившись ото всех, то ли негласно приобщившись к Западу, в значительной степени отстраненно действует Япония. Так или иначе, все страны, потенциально претендующие на ведущие роли в международных делах, оказались затрону-

тыми происходящим и вынуждены были определяться.

Конфликт вокруг Украины, поддержанный США и подтянувший к себе государства ЕС, привел к новому раунду противостояния России и Запада. За дипломатическими шагами, военными маневрами и экономическими залпами из-за Атлантики последовала активизация западноевропейской дипломатической игры. Решающим игроком мировой политики оказался коллективный ЕС.

Задача статьи в том, чтобы прописать новые аспекты, которыми предстоит руководствоваться России, оказавшейся в непростом положении с точки зрения защиты собственных интересов и вынужденной в текущих условиях противостоять более массивным ударам мягкими угрозами и осмотровыми жестами дипломатии. В центре внимания, таким образом, не разбор сценариев, подразумевающих применение военной силы, а анализ вызовов средней интенсивности.

1

Центральный вопрос международной безопасности, с точки зрения пятерки ведущих мировых держав, сохранение возможности никем и ничем не ограниченной взаимной критики поведения. В рамках ООН как площадки для обмена мнениями и оглашения позиций великие державы давно не чувствуют себя стесненными приличиями и необходимостью соблюдения норм морали. Слова, адресованные друг другу, демонстрируют богатство возможных негативных интерпретаций и разрушительный невоенный ресурс, который они воплощают с точки зрения установившегося между державами климата доверия. Острота ситуации резко возрастает, когда действия одной державы наносят урон престижу ее самой и союзников; дву- и многосторонним политическим и международно-правовым договоренностям. В качестве верховных критериев начинают фигурировать вопросы статуса [Larson, Paul, Wohlforth 2014]. В ход идет все: влияние, военная мощь, престиж в глазах пятерки и дру-

гих стран. Отношения приобретают очертания игры, которая может обернуться блефом, но может и привести к реальным действиям и последствиям.

Этап обострения начался в 2013 г. и стал быстро приближаться к апогею — перевороту в Киеве и последовавшему за ним крупному международно-политическому кризису. Непосредственными триггерами послужили бегство бывшего президента страны В. Януковича (февраль 2014 года), смена правительства и избрание нового президента (май 2014 года). Причин международного кризиса было две. Первой стал вопрос о принадлежности Крыма. Воспользовавшись событиями в Киеве, жители полуострова в очередной раз задумались о своей исторической судьбе. Пользуясь положением автономной республики, они проголосовали за переход в состав России.

Второй повод кризиса был связан с событиями в двух окраинных восточных областях близ Донецка и Луганска. Оба города и большинство населения близлежащих регионов почти одновременно преобразовались в народные республики, под флагом которых с ожесточением воевали за свою независимость до февраля 2015 года, когда было установлено хрупкое перемирие, то и дело нарушаемое обстрелами. Самопровозглашенных республики продолжают существовать, несмотря на достигнутые договоренности о постепенном возвращении в административно-правовое поле Украи-

ны¹. Началась консолидация их статуса как непризнанных, но реально участвующих в процессе урегулирования образований. Процесс этот оказался довольно долгим и щекотливым. При этом в самих республиках нет единства относительно желаемых его результатов.

Украинский вопрос неоднократно обсуждался в ООН. Хорошо видно, каким в связи с этим был расклад международных сил. США заняли жесткую антироссийскую позицию; в этом их поддержала Британия. К похожей линии склонилась Франция. Другое дело — Китай: он выступает с твердой позицией в поддержку Москвы. Украина дала повод пяти державам продемонстрировать гибкость своей политики на примере подхода к нуждам Киева в Крыму.

В марте 2014 г. с украинской подачи обсуждался вопрос о принадлежности Симферополя. В основу дискуссии легло обоснование самостоятельности, которой, судя по материалам российских архивов, исторически пользовались жители города. По существу речь шла о юридической подготовке вопроса о будущей независимости крымчан.

Позиция России до событий 2014 года, как и советская послевоенная, строилась на принципе единства и территориальной целостности Украины. Эта политика нашла отражение в заключении Москвой с Киевом ряда юридических документов².

¹Очевидно, за последнее время наметился внутренний разрыв между традиционным национализмом и его ультраправыми разновидностями в лице движений региональных течений Западной Украины. С одной стороны — это движение националистов Закарпатья («Правый сектор» — Ужгород, Мукачево), с другой — Галиции (Львова). И там, и рядом движения окрашено местными колоритами, и они активно противостоят друг другу.

В июле 2015 г. в городе Мукачево произошел конфликт в местах скопления боевиков против Киева. Президент пообещал применить имевшуюся у него силу против боевиков. Находившиеся на фронте вдоль противостояния с ДНК и ЛНК сторонники движения «Правый сектор» покинули свои посты в восточной Украине и объявились в районе конфликта в Закарпатье (Мукачево). Лидер «Правого сектора» Дмитрий Ярош открыто призывал их не подчиняться президенту П. Порошенко.

²Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной от 31 мая 1997 г.; Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины от 28 мая 1997 г.; Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о параметрах раздела Черноморского флота от 28 мая 1997 г.; Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Украины о взаиморасчетах, связанных с разделом Черноморского флота и пребыванием ЧФ РФ на территории Украины от 28 мая 1997 г.; Договор между Российской Федерацией и Украиной о российской-украинской государственной границе от 28 января 2003 г. См. [Богатуров 2003: 590].

Лишь в 2014 г. позиция российской дипломатии стремительно трансформировалась в прокрымскую: в сторону поддержки местной самостоятельности.

Не лучше обстояло дело в районах Донецка и Луганска. 14 апреля 2014 г. прошло обсуждение ситуации в городах, население которых с оружием в руках вышло защищать свои права. Украина пыталась подавлять выступления силой (активно пользуясь формированиями «Правого сектора», сложившимися в Западной Украине). Россия выступила с критикой этих действий. Конфликт затянулся и стал терять управляемость.

28 августа 2014 г. в ООН поступили сведения о вводе российских войск на украинскую территорию. С сообщением об этом выступил американский представитель. Принятие резолюции было заблокировано заявлениями России о бедственной гуманитарной ситуации в регионе. В дальнейшем каждый раз, когда возникала опасность принятия подобной резолюции, Москва прибегала к вето.

Цена вопроса — перспективы и пределы эволюции поведения России. *Москва соизмеряла и соизмеряет свою политическую линию с необходимостью удержания ее в мирных, не провоцирующих раздувания большего конфликта пределах* и действует соответственно.

Если военную силу не удастся удержать в рамках разумного, то нельзя исключать более рискованных сценариев, балансирующих на грани мира и столкновения с крупными игроками. Исход эскалации станет фатальным. Война обернется обменом ядерными ударами с невосполнимым ущербом. Ни россияне, ни американцы не представляют себе ее результаты, хотя об этом стоило бы задуматься.

2

Представители США не ведут разговора о конкретном ущербе, не пытаются осмыслить войну в терминах реальных потерь. Вместе с тем имеющийся опыт моделирования ядерного столкновения показывает, что полномасштабный обмен ядерными

ударами приведет к войне без победителя. Требуется реальное осознание пределов ядерной напряженности, для того чтобы было возможным свести этот конфликт к более приемлемым формам избирательной, «несиловой» войны.

9 июля 2015 г. США провели испытание новой ядерной бомбы B-61-12. Этим шагом они, вероятно, стремились уравновесить «вредную» информацию о развитии второго мирового центра — Шанхайской организации сотрудничества с участием России и КНР. 10 июля 2015 г. было согласовано вхождение в неё Индии и Пакистана, также располагающих ядерным оружием. Мир узнал о присоединении двух стран к ШОС сразу после сообщения США об эксперименте.

То и другое внесло оттенок тревоги в отношения между атомными силами стран пятерки — США с Британией и Францией, с одной стороны, и России и КНР — с другой. В рамках ШОС это дало повод обменяться мнениями Москве и Пекину. В. Путин и председатель Китая Си Цзиньпин провели плановую встречу. Буквально накануне лидеры двух стран виделись на саммите БРИКС и одновременно на сессии Шанхайской организации сотрудничества, для участия в которой прибыли также представители ряда других стран Азии. Наверняка рассматривался сценарий борьбы на фланговых фронтах идеологической схватки США, России или КНР. Таким сценарием пользовались США, развязывая войну в Афганистане или вторгаясь в Ирак в 2000-х годах.

Оба случая широко обсуждались в странах НАТО и России. Всякий раз это называлось «внутренним делом» стран Ближнего и Среднего Востока. И в Афганистане, и в Ираке к власти пришли тогда проамериканские силы. Такая «смена караула» в обоих случаях стала прямым следствием вооруженного вмешательства США. В случае Ирака оно было осуществлено вопреки мнению Франции и Германии, активно выступавших против американского вмешательства [Талайко 2005]. Последние подавали голос хоть изредка, но совместно

с Россией, которая тоже не была в восторге от ближневосточной политики Вашингтона в 2003–2004 годах.

Прошло почти пятнадцать лет. Многое изменилось. С одной стороны, США при- выкли думать, что мир «измельчился» и ждет сигнала «старшего брата», чтобы просить возможности высказать собственную позицию (и никакого вето!). С другой — с страны меньшего, но сопоставимого размера стали утомляться напором «мирового лидера». Они проявляют большую самостоятельность, идут своим путем, обращаясь к многовековой традиции (Китай) или к менее древней, но славной истории (Россия). Франция и Германия — на особом положении: понять они могут все, а сделать, как задумано, у них получается далеко не всегда.

В случае Украины проявилось несовпадение терминов. США рассматривали ее как аванпост глобальной идеологической борьбы — Россия к такому сценарию оказалась совершенно неготовой. Украинский политический авангард шагнул далеко вперед собственного народа, проигнорировав, что его значительная часть его представителей говорят на двух языках, но при этом не чувствуют себя украинцами.

Украина, при всей противоречивости ее истории, все же существует. Ее независимость — факт, которым не следует пренебрегать. Вместе с тем не вся история восточной Украины равна истории западной. *Надо было дать истории двух частей страны «слежаться», сформироваться и «отстояться».*

ЕС не случайно ведет себя иначе, чем США. Германия и Франция отличаются от заокеанского союзника. Они более терпимы и проявляют лояльность не только к Украине, но и к России. Вместе с тем на уровне стратегии эти различия часто незаметны: общий подход сцементирован союзническим отношением по линии США — ЕС. В украинском случае курс строится с поправкой на испорченные отношения европейских стран с Москвой.

В июне 2015 г. ПАСЕ назвала политику России в отношении Украины «агрессией» и Крым — «оккупированной территорией»³. Правда, значение этих выражений не стоит преувеличивать.

З

Различного род запреты и ограничения: въездов, счетов, товаров, культурного обмена — старая тактика, несовместимая, правда, со свободной, либеральной политикой. Хуже, когда запреты, такие как сегодня, сдерживают информационные потоки, стимулирующие взаимодействие на общественном уровне. Ограничения визитов вылились в изменение целых блоков отношений между людьми и фирмами в разных странах. Например, сторонами сотрудничества в космической сфере с Россией являлись американские и французские корпорации. Чего ждать от Москвы по линии выполнения контрактов в ситуации, когда запретам подвергается трансфер технологий из Европы и США? Ограничениям будут подвержены и другие предметы импорта и экспорта, в том числе интеллектуального. Россия ожидала реального притока инноваций преимущественно из зарубежной Европы, а теперь стала переходить на поиск альтернатив в Азии и Латинской Америке.

Международные торговые связи продолжают развиваться, во всяком случае в той мере, в какой двадцать пять лет назад были отданы в России в частные руки. Правда, от европейских и американских партнеров звучат не самые обнадеживающие оценки. Мощные отечественные корпорации, концентрировавшие бизнес на рынке конкретных европейских товаров и их импорте в нашу страну, за прошедшие полтора года «сдулись». По-видимому, им придется откладывать инвестиции и переориентироваться на другие рынки, что, несомненно, сулит немалые трудности. Российский бизнес, заработавший большие деньги на этой стезе, выбирает два пути — либо выжидает и осматривается, либо бро-

³МК.ру. 25 июня 2015 г.

сается в азиатские и латиноамериканские объятия, ломаясь, борясь, ища, но в итоге получая выгоду.

Крупные предприниматели в России делятся на несколько групп, специализирующихся на той или иной категории продукции. Люди, работающие в условиях конкуренции, стремятся оптимизировать стратегию извлечения выгоды. Те же, кто полагается на политические связи, менять ничего не хотят. Они пытаются найти страны, рынки, людей, близко расположенных к классическим европейским партнерам. Их идеал: импортировать товары производства ЕС, но через страны, не входящие в общий рынок. Это намного дороже и для посредников, и для конечных потребителей, и сопряжено со множеством проблем.

С североамериканской экономикой сохранять отношения сложнее, так как наше торгово-экономическое взаимодействие отягощено рядом дополнительных обстоятельств. Тем не менее если не ставить амбициозных задач, то с ограничениями в США можно ужиться. В целом европейский и американский бизнес не в восторге от ограничений сотрудничества с российскими партнерами. Российский же бизнес — нехотя, теряя деньги — в целом больше разворачивается на Азию и Латинскую Америку. На этом пути много потерь, но немало приобретений и перспектив. Китай, Индия, Южная Корея, арабские страны, АСЕАНовские партнеры из Азии — выбирай на любой вкус. Есть латиноамериканские экономики — Аргентина, Бразилия, Чили. Многосторонняя торговля предоставляет возможность для реализации доходных проектов, за которыми вырисовываются индустрии строительства, обрабатывающей промышленности, туристский и гостиничный бизнес и рынки сбыта.

Правда, важно помнить о внутренних проблемах этих стран, связанных с безопасностью вложений и защитой интересов

крупного отечественного капитала. Важно учитывать традиции местной переговорной культуры, соизмерять риски с возможностями приобщения к передовым технологиям. В этой связи возрастает значение Китая. Глава правительства в России Д. Медведев заявил, что товарооборот с КНР может достигнуть 100 млрд долл. к 2016 году. 20 марта 2015 г. российское руководство одобрило строительство восточной китайской ветки газопровода «Сила Сибири»⁴. Прежние проекты обходили КНР, его потребности, хотя и могли быть направлены в Китай. Они отражали заинтересованность поставщиков в удовлетворении спроса российских потребителей на Дальнем Востоке и Японии. Китай настаивал на своем проекте.

В мае 2015 г. представители «Газпром» и CNPC (КНР) подписали договор на 30 лет о поставках газа. Они также согласовали место подводного перехода газопровода через р. Амур в районе г. Биробиджан для ускоренного строительства этой части пути прохода. Китай приступил к сооружению части путепровода на своей территории.

Объем внешней торговли России с Германией составил в 2012 г. 104,7 млрд долларов, а с КНР — 88 млрд долларов. Другими крупнейшими партнерами выступали: Украина (45,1 млрд), Белоруссия (43,8 млрд), США (40,8 млрд), Польша (37,9 млрд), Италия (36,4 млрд), Нидерланды (35,3 млрд), Япония (33,4 млрд), Турция (33,4 млрд), Франция (27,1 млрд), Казахстан (23,9 млрд), Британия (23,8 млрд), Республика Корея (22,5 млрд)⁵. С учетом политических изменений китайские компании получили шанс вырваться вперед — на сегодняшний день они отодвинули даже немецких конкурентов на российский рынок.

Прибавляют вес в торговле с Россией Белоруссия, Казахстан, Южная Корея, Турция (до свертывания отношений), Япония. Между тем ни одна из стран Латинской Америки пока не смогла добиться резкого

⁴РИА-Новости. 26 марта 2015 г.

⁵Консалтинговая компания «Влант». 2008–2013.

повышения своей доли в товарообороте с Россией. В этих условиях не спеша Китай выдвигается на положение первого торгового партнера России.

Как отмечалось выше, 8–9 июля 2015 г. в Уфе в очередной раз собрались руководители БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), 9–10 июля состоялся саммит Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Эти два мероприятия впервые проводились одновременно: раньше лидеры Бразилии и ЮАР не соприкасались с работой ШОС. Повестки дня сессий БРИКС и ШОС и в этот раз не пересекались, но взятые вместе они охватывают значительный спектр вопросов и проблем международного сотрудничества.

Мировая экономика — главная проблема обсуждения съехавшихся в Уфе. Члены БРИКС обсуждали условия своего участия в предложенных МВФ проектах. Много внимания было уделено вопросу обхода санкций в отношении России. Приоритетное значение в повестке дня саммита занимал Новый банк развития, который будет функционировать по инициативе БРИКС. Первоначальный взнос составляет 10 млрд долл. (объем каждой стран составит по 2 млрд долл.)⁶. Штаб-квартира нового банка расположилась в Шанхае. 8 июля 2015 года он приступил к работе.

Углубление экономических связей подкрепляется интенсификацией политических контактов. Председатель КНР Си Цзиньпин ранее, в 2015 году, побывал в России для участия в совместных мероприятиях, посвященных завершению Второй мировой войны в Европе. Для участия в саммите БРИКС и ШОС он прибыл повторно. Визит был омрачен известиями о кризисе на нефтяной бирже в Китае (июль 2015 года), которые, однако, не повлияли на восприятие КНР как приоритетного экономического партнера в России.

10 июля 2015 г. главным событием сессии ШОС стало принятие в организацию Индии и Пакистана. Это — первый случай,

когда к участию в организации были допущены два государства, заявляющие о праве на обладание ядерным оружием.

Наряду с государствами-участниками Шанхайской организации сотрудничества, в качестве наблюдателей участвовали делегаты Афганистана, Ирана, Монголии и Шри-Ланки. На сессии присутствовали и представители Азербайджана, Армении, Камбоджи, Непала, Турции — в разное время добивавшиеся статуса партнеров. Решением членов ШОС статус частичного партнерства был распространен и на них. Белоруссия обратилась в организацию с просьбой предоставить ей статус наблюдателя в организации. Еще три страны (Египет, Сирия, Бангладеш) присутствовали в качестве гостей, хотя они подали письмо о принятии их в качестве полноценных стран-наблюдателей.

Большой круг стран, в разной степени заинтересованных в развитии отношений, сулит ворох проблем. России требуется платежеспособный потребитель экспорта и источник технологий и капитальных инвестиций. Способность стран, сближающихся с ШОС, соответствовать этому критерию, вызывает вопросы.

Индия остается долгосрочным деловым партнером Москвы. Российские вооружения давно привлекают индийский генералитет. Сегодня идут переговоры о совместном строительстве военных самолетов. Кроме того, развивается сотрудничество в области атомной энергетики и освоения космоса. Советский Союз оказывал помощь в сооружении предприятий с начала 1960-х годов — такое быстро не забывается. Индия может стать важным партнером, но на этом пути есть трудности.

Другой интригующей страной может стать *Бразилия* — несомненно, крупнейшая латиноамериканская держава. Она представляет собой один из резервов российской экспортно-импортной концепции с 1994 года. В документах Министерства иностранных дел она обозначена как «стратегический партнер». Две страны сопоста-

⁶Правда-TV.ru. 8 июля 2015 г.

вимы по численности населения и уровню экономического развития. Они тщательно изучают друг друга, понимая, что торговля продовольственными товарами только часть партнерства, но не реальное его наполнение.

Южно-Африканская Республика представляет собой одну из наиболее перспективных экономик развивающегося мира. Россию связывают с ней узы возобновляющегося сотрудничества в области ядерного сырья, в частности его мирного использования. ЮАР называет себя надежным стратегическим партнером и встречает в этом смысле понимание Москвы.

Активизация деловых связей с *Китаем* отвечает настроением в российском бизнес-сообществе и отражает попытку противопоставить Украине, владевшей «узким горлышком» поставок в Европу (Германию, Венгрию и другие страны), относительно самостоятельную торгово-экономическую стратегию Москвы. Сближение с КНР развязало бы руки российским производителям и укрепило бы группу интересов, ориентированную на восток. Конечно, «поворот на Китай» не снимает проблемы экспорта в Европу. Нужны другие, обходные пути транзита к европейским потребителям.

Россия дала понять, что имела бы интерес к экспорту газа через *Турцию* и далее в страны ЕС. Москва отказалась от гигантского (стоимостью в 45 млрд долларов) проекта экспорта через четыре европейские страны. 1 декабря 2014 г. В.Путин прибыл в Анкару, где встретился с президентом Турции Реджепом Тайип Эрдоганом — его критическая позиция в отношении «европейского единства» хорошо известна. В ходе беседы обсуждали вопрос транзита газа через Турцию и Грецию. Предполагалось, что 63 млрд куб. м будет доставляться до европейских потребителей. Из поставляемого топлива 14 млрд куб. м при 6%-ой скидке будет выделяться на нужды Турции в качестве компенсации ее посредничества⁷.

Анкара (до крутого в 2015 г. поворота в своей политике) проявляла интерес к предложению и приступила к его изучению. Одновременно Россия передала аналогичное приглашение Греции, имея в виду, что она возьмет на себя вопрос переброски полученного из Турции газа. По оценкам отечественных экспертов, Москва смогла бы частично компенсировать за счет турецкого направления потери, которые она понесла в американо-европейском ареале.

Позиция Р.Т. Эрдогана в целом повлияла на правительство Турции, но была ослаблена обострением политической борьбы. Последнее нашло отражение в спорах о распределении депутатских мест в парламент. В январе 2015 г. новый премьер А. Давутоглу заявил, что не признает в 2014 г. вхождения Крыма в состав России. Это, видимо, затруднило идущие переговоры, которые и без того продвигались неспешно. В мае 2016 г. он заявил о своем намерении подать в отставку.

Газовый проект застал *Грецию* в кульминационный момент борьбы за сокращение совокупного долга страны. Независимо от ее разрешения, выплаты Афинам в рамках трехстороннего плана сотрудничества с Россией и Турцией могли бы составить до 3 млрд евро. Греция выразила энтузиазм в вопросе реэкспорта российского товара, доставленного турецкими трубами. Пока этот проект остается на уровне проговаривания. Премьер-министр Алексис Ципрас целиком поглощен проблемой национального долга перед ЕС.

Общий план возможных вариантов маршрутов российского энергетического экспорта остается предметом серьезной озабоченности. Есть очевидные резервы, но все они требуют проработки. Простая замена партнеров и путей невозможна.

4

Одной из самых проблематичных тем внешних связей остается строительство научно-образовательных, образовательных и

⁷Eurasianet.net. — 10 декабря 2014 г.

культурных отношений между Россией и странами окружающего мира. Не то чтобы эти контакты легко было поддерживать, но переделывать их оказывается еще труднее, причем особенно в те моменты, когда на них необходимо сделать акцент. При этом не важно, достигнут ли уже высокий уровень взаимодействия в науке и образовании (Европа, североамериканские государства) или культурные отношения страны еще только нащупываются (Китай, Индия, Япония, Вьетнам, Турция, страны Латинской Америки).

«Учиться у них» — лозунг, который еще недавно был актуальным, сегодня более не является таковым. Имеются в виду, прежде всего, научные контакты, получение высшего образования за рубежом и налаживание отношений в культуре. Ухудшение связей в сфере безопасности влечет за собой охлаждение в сфере научных и гуманитарных контактов, в том числе по «продвинутым» проектам.

В кругах, близких к правительству США, подтверждают, что оно выступает за частичное свертывание образовательных программ и упорядочивание их за счет организации единой системы. При этом в отечественных аналитических докладах лейтмотивом проходит мысль о падении привлекательности американского высшего образования или прохождения в США стажировки для человека, имеющего соответствующий диплом российского вуза.

Между тем запрос на «загранку» со стороны молодежи продолжает расти, а ценность российского образования резко падает. Подобный спрос в нынешних условиях удовлетворить сложнее, не говоря уже о чисто ознакомительных поездках, служебных командировках, обменах, частных деловых визитках, культурных контактах. Все эти формы сотрудничества оказались сегодня под вопросом и даже под угрозой полной блокировки, хотя и раньше они вызывали немало противоречий.

Подобное положение касается, прежде всего, США и Канады. Франция и Германия в этом смысле придерживаются

иного подхода. Обе страны сильнее прежнего ориентируются на изучение зарубежной и отечественной истории, обучение языку, подготовку разносторонних специалистов по экономике, праву и международным отношениям. Принципы, положенные во второй половине 2010-х годов в основу доминирующего подхода в США, им не годятся.

Примерно того же взгляда держится Италия: страна ориентируется на новые связи и поддержание существующих контактов. Для нее важнее всего обеспечить подготовку профессионалов в экономике, мировом хозяйстве, праве и политическом устройстве. Она ориентируется на другие аспекты подготовки молодого специалиста, в том числе и иностранцев.

Британия смотрит на тему научных обменов осторожней, чем США. В ней сильны позиции «старой британской школы» — воплощаемой Оксфордом и Кембриджем. В последнее время в конкуренцию с английскими университетами вступили вузы Шотландии, хотя им сложно быть на равных с ними, но только с ними!

«Школа НАТО» — источник проверенных опытом знаний современного специалиста любой страны, побывавшего в лагере Североатлантического альянса, скажем, в Германии или на форуме где-то в Восточной Европе. П.Порошенко или «Правый сектор» Д. Яроша — у кого из них лучше пройдена «школа НАТО»? Но прежний опыт часто оказывается перечеркнутым — прошлое может скомпрометировать. Отказавшись от переучения в отношениях «Россия — НАТО», и наши военные сегодня снова «заперли себя в мешок». Сейчас они не только думают, каким образом выбраться из капкана, но и как продвигаться вперед: летом 2015 г. была спешно установлена экстренная линия связи между военными НАТО и России.

Расширение связей между общественностью стран в 2015 г. было заметно на востоке: в Азии дорога шире. КНР укрепляет неправительственные контакты по всему миру, включая Россию. Эта установка не пересматривается с 1982 года, и

будет сохранять свое значение в дальнейшем. Культурный обмен воплощается в изучении не только русского языка и истории, но и современной экономики, науки (ряда ее актуальных достижений), политики. КНР заинтересована в научных достижениях в области атомной энергетики, космоса, военных областей и технической организации специальных исследований. Настрой на научное сотрудничество во многом объясняет интерес китайцев к нашей стране. При этом они удивляются своей ориентацией на быстрый успех, стремительные результаты в овладении тайнами природы, могучей работой над непознаваемым. У Пекина есть чему учиться. Правда, вряд ли стоит допускать его во все области, представляющие для него интерес.

В научном плане связи России с Индией лучше, чем с ее соседями за Гималаями. Индийцы больше настроены на приобщение к достижениям медицины. Британия и США, очевидно, не сброшены со счета, но даже их пример не заслонил Москвы и ее потенциала.

Есть еще Япония. Культурные связи развиваются и дают основания надеяться на сближение. В 1990-х годах отечественные японоведы приглашались в эту страну, чтобы рассказывать о России и проводить исследования. Старое поколение в основном прошло через эти программы. Ему на смену приходит новое поколение, и оно ждет, что ему предложат.

Мексика занимает одно из ведущих мест по интенсивности общественных связей с России среди стран Латинской Америки.

Это не удивительно, учитывая, что дипломатические отношения между нашими странами установлены 125 лет назад. Медленно и неуклонно расширяются контакты гуманитарного профиля — испанский язык здесь решающий фактор.

Аргентина, Чили, Перу и Бразилия — полезные направления для будущих гуманитарных исследований. Это подчеркивает необходимость в испанском языке — здесь отечественному профессиональному сообществу есть куда расти. В последнее время устремления к налаживанию образовательных контактов между Россией и Бразилией демонстрируют практические результаты. Латинская Америка превращается во все более значимое направление сотрудничества.

* * *

Новый виток напряженности похоронил надежды на медленное, но все же улучшение отношений между ведущими державами, сохранявшееся с начала 1990-х годов. И снова, набравшись терпения, мир ожидает потепления на европейско-атлантическом театре. Есть вероятность, что первыми к повторному сближению окажутся готовыми Германия, Франция, Италия и ряд других европейских стран. Многое будет в этом смысле зависеть от Азии. Китай и Индия — страны, от которых мир в Евразии зависит в решающей степени, но и Бразилия сможет сказать в этом деле свое слово. Но, как всегда, краеугольный камень ожидания мира — вопрос войны. От его решения будет зависеть обсуждение проблем последующего соразвития.

Список литературы

- Системная история международных отношений в четырех томах. Том. 3. 1945–2003. Под. ред. Богатурова А.Д. М.: НОФМО, 2003. 718 с.
- Талайко Т. Война в Ираке и трансатлантические отношения // Журнал международного права и международных отношений. 2005, № 2. Сс. 55–61.
- Status in World Politics. Ed. by D. Larson, T.V. Paul, W. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 324 p.

RUSSIA'S DIPLOMATIC RESPONSE

ALEKSEY BOGATUROV

Academic Educational Forum on International Relations, Moscow 119454, Russia

Abstract

The Ukrainian crisis emphasized disagreements among major international powers, which started to grow even earlier due to the increasing autonomy in their policies. Its major but not unique consequence became widening of tensions between Russia and the U.S., which forced Moscow to seek new partnerships beyond the West to increase its power. The article aims to identify new aspects, which Russia is required to take into account in the new strategic context in order to protect its interests and prevent greater challenges through softer counter-threats as well as calculated diplomatic maneuvers. It focuses on the mid-risk scenarios rather than prospects of full-scale military confrontation. The Ukraine crisis due to the mediation efforts by Franco-German tandem, presents some positive developments, but this does not presume restoration of the status quo ante among major powers. During political maneuvering of the last few years, status concerns of major players were heavily affected. Henceforth, now they are eager to respond with available tools, including political influence, military might and prestige. Their relations evolve into a game, which could end up as bluff or could lead to serious consequences. Under the new circumstances the U.S. started to pay more attention to the balance of power – category concept, which they seemingly forgot two and a half decades ago. Meanwhile, Russia is engaged in the search for the new partners both in the institutional domain (which was reflected in the enlargement of the SCO), or in economic and social connections. Western markets have not closed for Russian businesses, but it has become harder to make profits there. Therefore, China without any hurry will acquire the position of primary economic partner for Moscow, sidelining the EU. Russia's interest towards other BRICS economies is growing as well. Meanwhile, there is significant underutilized potential in Latin America. The article examines the logic of economic cooperation as well as research and educational exchanges between Russia and international partners.

Keywords:

Russia; USA; China; BRICS; SCI; major powers; international order; nuclear balance; economic cooperation; Latin America.

References

- Bogaturov A.D. (ed.) (2003). *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniya v chetyrekh tomakh. Tom 3. 1945–2003* [Systemic History of International Relations in Four Volumes. Vol. 3. 1945–2003]. Moscow: NOFMO. 718 p.
- Talajko T. (2005). Vojna v Irake i transatlanticheskie otnosheniya [War in Iraq and Transatlantic Relations]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenij*. No.2. P. 55–61.
- Larson D., Paul T.V., Wohlforth W. (2014). *Status in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 324 p.